

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА*

МАРКОВА Юлия Владимировна — *Docteur en sociologie (Université Paris-VIII)*,
научный сотрудник Института социологии РАН.

«Социологические исследования», 2007, №1, С. 42-47.

Понятие социальной реальности отсылает нас к изучению эпистемологических оснований социологического дискурса. Опираясь на систему понятий, разработанных в рамках структурализма и генетического структурализма [1—5], а также результаты нашего экспериментального исследования, мы постараемся проанализировать некоторые символические структуры социологического дискурса. В качестве эмпирической базы использовались статьи, опубликованные в журналах «Социологические исследования», «Социологический журнал» и в «Журнале социологии и социальной антропологии» в 1997—2000 годах.

Проблема социологического дискурса

В чем проблема социологического дискурса? Что в нем интересного и достойного исследования? Как это не покажется странным, но удивляет уже сам факт его существования. Если следовать правилу, что в научном исследовании необходимо исходить из точно определенных понятий и принципов, то социолог, потребляя и производя дискурс, попадает в ситуацию постоянного регресса определений: одно понятие раскрывается через другое, другое — через третье и т. д. [ср.: 6] Например, понятие «поведение» определяется через понятие «действие», понятие «действие» — через понятие «деятельность», понятие «деятельность» — через понятие «активность»... В конечном итоге, всякое «строгое» определение дается через неопределяемое, через то, что понятно и известно до всякого исследования. Чтобы социологический дискурс мог состо-

---

* © Маркова Ю.В. Статья публикуется в авторской редакции.

яться, социолог с необходимостью должен остановить бесконечный *in potentia* процесс определения понятий, и принять некие положения в качестве аксиом. Это означает, что, приступая к работе, исследователь уже обладает предзнанием своего объекта. Социальная действительность уже определенным образом понята и структурирована социологом. Более того, зачастую исследователь слишком хорошо практически знает свой объект, чтобы подвергнуть его критическому анализу¹.

Чтобы сконструировать свой объект, социолог уже должен сделать о нем какие-то предположения. Как минимум, он должен полагать, что этот объект существует и заслуживает того, чтобы его исследовали социологически, т. е. с использованием особых, отличных от здравого смысла, понятий и методов. Из этого следует, что первичным актом социологического исследования является не «свобода от оценки», не «рефлексивное отношение», а практическое полагание того, что существует/не существует, известно/не известно, достойно/не достойно внимания объективирующего взгляда социолога.

Но что известно социологу до всякого исследования, каковы «горизонты» социологического дискурса? Вот эти неисследованные условия действительности социологического дискурса, называемые нами «социальной реальностью», и будут непосредственным предметом данного исследования.

Социологическое поле и социологический дискурс

Социологический дискурс не есть произвольное рассуждение о социальных феноменах. Он представляет собой построенную в соответствии со специфическими правилами систему суждений о социальной действительности, производимую в рамках специфического социального универсума — поля социологического производства. Поле социологии — это место «конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является <...> монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить

---

¹ Глубокий анализ негативного влияния слишком хорошего знания определенной социальной среды на результаты социологических исследований можно найти в работе П. Бурдьё «Мужское господство» [7]. На примере гендерных исследований он показывает, как хорошее практическое знание объекта и политическая ангажированность ведут к слабым работам, воспроизводящим политизированный здравый смысл.

и действовать от имени науки» [8, с. 474]. Поле есть система объективных отношений между позициями, которые образуются вследствие неравномерного распределения ресурсов, необходимых агентам для производства их практик [подробнее см.: 8, 9].

Необходимо напомнить, что любое социальное пространство (и поле как его частный случай) есть результат двойного структурирования и распределения ресурсов практик. С одной стороны, мы имеем объективные структуры, лежащие в основе субъективных социальных представлений, и влияющие на взаимодействия агентов. С другой стороны, эти социальные представления должны быть усвоены и присвоены (интериоризированы) агентами, чтобы стать действующей силой, т. е. оказывать принуждающее воздействие на практики агентов, производящих/воспроизводящих объективные структуры. В этом смысле мы можем говорить о существовании двух типов структур (объективных и субъективных), образованных неравномерным распределением капиталов и систем представлений (диспозиций или субъективных ресурсов практик).

Пребывая в профессиональном поле, социолог интериоризирует внешние условия производства, которые становятся внутренними схемами действия (диспозициями или смысловыми схемами). Смысловые схемы устанавливают связь между объективными структурами поля социологии и легитимным продуктом этого поля — социологическим дискурсом. Смысловые схемы выступают необходимым субъективным условием практик; это не понятия, но схемы действий социолога. Смысловая схема — «термин, обозначающий двустороннюю структуру, сочленяющую воедино характеристики практики и понятия. Она представляет собой действующее основание классификации и иерархизации социальных феноменов, видения и деления действительности, ставшее личностным свойством в результате социализации и усвоения опыта, интериоризации социальных отношений» [5, с. 18]. Отсюда социологический дискурс есть результат встречи смысловых схем социолога (т. е. интериоризированных объективных структур поля социологии) и исследуемой им действительности. В этом смысле можно говорить, что социологический дискурс есть производная смысловых схем социологов, результирующая исследования со-

циальной действительности в рамках исторически заданных объективных и субъективных структур социологического производства.

Социологический дискурс: социальная действительность, социальная реальность, социальный мир

Итак, мы зафиксировали, что социологическое производство, ограничивая и направляя практики социологов, не только в виде предоставляемых материальных ресурсов, но и в виде идеальных ресурсов, которые мы концептуализуем как смысловые схемы, выступает практической рамкой социологического дискурса. Чем больше социология удаляется от непосредственного «наблюдения», чем более она использует сложный понятийный и методологический аппарат, тем больше ее объекты отличны от социальной действительности. Поэтому модель, адекватно описывающая социологический дискурс, должна включать в себя как минимум три элемента: социальную действительность, социальную реальность и социальный мир [ср.: 10, 11].

Под «социальной действительностью» мы понимаем все то, что существует до и вне всякого социологического исследования, это непосредственный источник социального познания. «Социальный мир» — это совокупность явлений, изучаемых социологией, это модель социальной действительности, порожденная функционированием поля социологии. Не все, что существует в социальной действительности, становится явлением социального мира, но только то, что проходит своего рода «цензуру» поля, что соответствует конкретно исторической «эпистеме» социологического производства [12, 13]. Социальный мир есть ансамбль фактов, о которых сообщает социологический дискурс.

Между социальным миром и социальной действительностью существует посредник — «социальная реальность», понимаемая как смыслообразующее *a priori* социологии: «Прежде чем стать предметом социологического исследования в собственном смысле, социальная действительность должна быть понята социологически. Такое социологическое понимание и фиксирует 'социальная реальность'. Она включает в себя интерпретации (эпистемологически) релевантных атрибутов социальной действительности, т. е. таких ее атрибутов, которые считаются существенными для социологического подхода. В социоло-

гии действительность становится социальным миром — в соответствии со структурой социальной реальности, задающей общий схематизм, т. е. познавательный контекст, видение действительности и социологии в ней» [14, с. 60]. Социальная реальность образована смысловыми схемами, т. е. интериоризированными объективными структурами поля социологии. Будучи совокупностью рамочных условий социальной действительности, которая находит свое выражение в социологическом дискурсе, социальная реальность задает предельно общие структуры социального порядка.

Российский социологический дискурс второй половины 90-х годов

Экспериментальное исследование социальной реальности и смысловых схем, образующих ее, потребовало операционализировать некоторые введенные понятия. В эксперименте социальная реальность раскрывается как связанное множество смысловых схем (всего в ходе работы было получено десять схем). Конкретные смысловые схемы получаются в результате статистического конструирования кластеров на базе обобщенных различий, выделенных из социологических текстов.

Для изучения смысловых схем нами был проведен анализ статей, опубликованных в ведущих социологических журналах в 1997—2000 годах («Социологические исследования», «Социологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии»²). В общей сложности было проанализировано 545 статей. Из исследования исключались переводы, статьи по истории социологии, информационные материалы, публикуемые в журналах (рецензии, круглые столы и т. п.). Все тексты подвергались сплошному чтению, в ходе которого выделялись смысловые различия, встречающиеся в тексте. Более подробное изложение методики анализа статей представлено в наших прошлых публикациях [15, 16]. В результате анализа было получено 122 обобщенных различия, неравномерно распределенных в текстах.

---

² Журнал социологии и социальной антропологии начал выходить с 1998 года, поэтому данные по нему относятся к 1998-2000 годам.

В дальнейшем, обобщенные различия подвергались статистическому анализу по методу ближайшего соседа³. В результате классификации различий было статистически сконструировано 10 кластеров (см. таблицу).

Эти кластеры рассматриваются как экспериментальное решение задачи исследования социологического дискурса: как ансамбль смысловых схем, образующих социальную реальность. Исходя из теоретических положений, заложенных в основе нашего эксперимента, мы интерпретируем эти схемы как обладающие двойной природой. С одной стороны, они объективируют инкорпорированные социологами объективные структуры поля социологии. С другой стороны, эти схемы представляют собой совокупность идеальных рамочных условий, в которых социологи структурируют социальный мир. Они задают самые общие представления о порядке расположения и следования объектов социального мира.

Исходя из полученных схем, мы можем обозначить социальную реальность социологического дискурса как *либерально-олигархическую*. Две схемы («коммунистический/демократический» и «элита/масса») задают два основных вектора этой социальной реальности: вектор времени и вектор пространства.

Схема «коммунистический/демократический» задает направление движения всего социального мира от коммунистического прошлого к демократическому будущему. Господство этой схемы проявляется даже в таком структурном элементе исследованных текстов, как начало статьи — 36% статей из исследованного нами массива (198 из 545), начинаются с констатации социально-политических изменений в первом предложении. Многие статьи, содержащие критику ситуации в постсоветской России, объясняют негативные факторы не политическими интересами господствующих или структурными изъянами самой либеральной модели, но «непониманием» со стороны правящих кругов всех последствий принимаемых решений. Такое отношение может быть объяснено как раз давлением «социальной реальности» на исследовательские практики социологов, и тем фактом, что *либеральная схема* встроена в качестве незыблемого социального норматива в базовые послышки социологического исследования.

---

³ Для обработки использовалась программа «Sociology 1.5», созданная А. Русановым.

Схема «элита/масса» задает тип социальной иерархии. Эта схема вводит идею разного социального значения социальных групп. Различия, образующие эту схему, тематизируют под разным углом социальную иерархию, базирующуюся на неравномерном распределении ресурсов. Причем не просто иерархию, но *иерархию олигархического типа*.

Схемы «коммунистический/демократический» и «элита/масса» выступают смыслообразующим *a priori* отечественной социологии, поскольку они задают представления о порядке следования объектов во времени и порядке их расположения друг по отношению к другу.

Все остальные схемы органично соседствуют с этими двумя, дополняя и расширяя их смысл. Так, схема «престижный/непрестижный» указывает на то, что объекты социального мира обладают разным уровнем социального признания. Она вводит символическое и ценностное измерение в социальное пространство. Дело в том, что не все группы и не все объекты и практики рядоположены с точки зрения их ценности и уровня признания. Таким образом, схема «престижный/непрестижный» задает *символическую дифференциацию* социального пространства. Это отношение в высшей мере важно в «переходном» обществе, где смена господствующих позиций с необходимостью сопровождается символическим оформлением новых отношений господства и новых социальных позиций.

Схема «легальный/нелегальный» вводит идею дифференцированности социального пространства по уровню его нормативного признания. Она указывает на *нормативную дифференциацию* социального пространства, где существует конфигурация запретов и разрешений, определяющих нормативный статус объектов и практик. Не все, что существует в этом пространстве, соответствует «должному» социального порядка, не все объекты и практики имеют право на существование в соответствии с господствующими социальными представлениями. Эта схема так же является необходимым элементом «либеральной» социальной реальности, предполагающей «диктатуру закона».

Схема «государство/гражданское общество» задает вектор *политической дифференциации* социального пространства. Эта дифференциация имеет открытое идеологическое содержание и также соответствует господствующей сего-

дня либеральной идеологии. К ней же по смыслу примыкает схема «рациональный/нерациональный», вводящая *экспертное отношение* к управлению социальными процессами и нивелирующая их политический характер.

Социальная реальность, конституирующая социологический дискурс, не статична. Ее динамика раскрывается через схемы «равенство/неравенство» и «свобода/зависимость». Схема «равенство/неравенство» напрямую вводит тему *отношения конфликта* между социальными группами и задает направленность этого отношения: борьба за сохранение/изменение устоявшейся структуры распределения ресурсов. Схема «свобода/зависимость» указывает на *социальные условия возможности реализации практик* в социальном пространстве и перемещения в нем.

Не менее органично входит в эту систему и схема «пол» объективирует *гендерную дифференциацию* социального мира, одного из самых базовых оснований социального порядка.

Схема «вероятный/невероятный» указывает на *открытость социальной реальности*, на потенциальную неопределенность ее эволюции. Но наличие схемы «коммунистический/демократический» в конечном итоге снимает эту неопределенность и задает вектор притяжения для событий и практик — вероятностный горизонт событий реализуется как *движение от коммунистического прошлого в демократическое будущее*.

Полученные смысловые схемы, можно рассматривать как векторы социальной реальности, задающей структуру конструирования возможного социального мира социологии. Если следовать предлагаемому нами подходу, то можно предположить, что все возможные объекты социального мира, т. е. все то, о чем могла сказать отечественная социология во второй половине 90-х годов, должно укладываться в это «прокрустово ложе» социальной реальности, произведенной самим полем социологии. Это означает, что социальный мир должен быть иерархизированным, нормативным, нести в себе некоторую долю неопределенности, которая преимущественно разрешается в пользу главного вектора движения всего социального мира от коммунистического к демократическому.

Эти схемы представляют собой не только общие принципы построения социального мира социологии, но и инкорпорированные объективные структуры самого поля социологии. Это означает, что сама социальная действительность отечественного социологического производства является «либерально-олигархической». Что подтверждается и первым предварительным исследованием активных свойств социологов на примере 1996 года [16]. Это исследование показало, что социальный порядок отечественной социологии тоже можно обозначить как «олигархический». Среди авторов статей выделяется небольшая группа тех, кто аккумулирует основные административные и символические ресурсы поля (социологическая «элита») и большая группа тех, кто определяется через отсутствие всяких положительных признаков (социологическая «масса»). В этом смысле можно видеть, что построенные кластеры способны действительно служить как смысловые схемы (понятие, схватывающее два уровня объекта). Данный анализ можно рассматривать как первое приближения к исследованию гипотезы о гомологии структуры относительно автономных полей и общей структуры социального пространства (имеющего форму государственного образования). Можно говорить о наличии трех уровней. Либерально-олигархическое государство — либерально-олигархическая социология — либерально-олигархическая социальная реальность социологического дискурса, которая должна идеологически правильно «ограничивать» социальный мир (да и все символическое производство).

Таблица «Смысловые схемы социологического дискурса (1997-2000)»

№	СХЕМА	Доля схемы (%)
1.	Пол	3,01
2.	Государство/ гражданское общество, демократический/ авторитарный	2,25
3.	Престижный/непрестижный, Новый/ старый, Сложный/простой, Силовые структуры/ государство, Государство/ культурное производство, Истина/фальсификация, Вертикальный/ горизонтальный, Условия и оплата/ содержание труда, Общая/ отраслевая социология, Наука/ система образования, Спрос/ предложение, Большинство/ меньшинство, Прямой/ косвенный, Истина/ заблуждение, Силовые структуры/ население, Модель/ реальность, Национализм/ другие идеологии, Абсолютный/ относительный, Вербальное/ реальное поведение, Абстрактный/конкретный, Промышленность/сельское хозяйство, Правые/ левые, Материальное/ нематериальное производство, Нейтральный/ ангажированный, Первичная/ вторичная занятость, Производство/ потребление, Социальные группы, Фундаментальный/прикладной, Статика/ динамика, Персонификация/ деперсонификация, Индустриальный/ постиндустриальный, Гуманитарный/ естественнонаучный, Управленческая иерархия, Цель/ средства, Долгосрочный/ краткосрочный, Наука/ здравый смысл, Национализм/ интернационализм, Экономика/ социальная сфера, Явный/ латентный, Реальный/ потенциальный, Качественный/ количественный, Конфликт/ согласие, Теоретический/ эмпирический, Компетентный/ некомпетентный	16,36
4.	Рациональный/ нерациональный, натуральное хозяйство/ товарное производств, революция/эволюция, разделение властей, Оппозиция/ правящая партия, Цивилизованный/ нецивилизованный, Развитые/развивающиеся страны, Радикальный/ умеренный, Рост/ спад производства, Наука/ государство, Прошлое/будущее, Стандартный/ нестандартный, Жесткий/ мягкий, Порядок/ хаос, Общие/ частные интересы, Реальность/ представление о реальности, Прогресс/ регресс, Социализм/ капитализм, Теория/ практика, Универсальный/ единичный, Унификация/ дифференциация, Эффективный/ неэффективный, Тип поселения, Материальный/ духовный, Активный/ пассивный	16,22
5.	Вероятный/ невероятный, Система/ среда, Военный/ гражданский, Естественный/ искусственный, Норма/ патология, Интеграция/ дезинтеграция	5,13
6.	Коммунистический/ демократический, власть/ население, государственная/ рыночная экономика, уровень образования, кризис/ стабильность, позитивный/ негативный, возраст.	13,17
7.	Элита/ масса, Аскриптивный/ достижительный, Включение/ исключение, Легитимный/ нелегитимный, Представители/доверители, Господство/подчинение, Открытый/закрытый	10,84
8.	Равенство/ неравенство, Сущее/ должное, Объект/субъект, Реальный/ видимый, Социология/ другие науки, Квалифицированный/ неквалифицированный, Администрация/ трудовой коллектив, Занятость/ безработица, Одномерный/ многомерный, Центр/ периферия, Внешний/внутренний, Богатые/ бедные	11,88
9.	Свобода/зависимость, восходящая/ нисходящая социальная зависимость, часть/ целое, изменение/ сохранение, советский/ постсоветский	11,33
10.	Легальный/нелегальный, крупные/ малые и средние предприятия, оптимизм/ пессимизм, политический/ экономический, формальный/ неформальный, государственный/ частный, Восток/ Запад	9,82

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Piaget J. Le Structuralisme. Paris: PUF, 1974.*
2. *Qu'est-ce que le structuralisme? / Dir. F. Wahle. Par O. Ducrot, T. Todorov, D. Sperber, M. Safouan etc. Paris: Éd. du Seuil, 1968.*
3. *Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.*
4. *Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.*
5. *Качанов Ю.Л. Начало социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000.*
6. *Тоценко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования, 2001, №?, С. 3—16.*
7. *Бурдьё П. Мужское господство / Пер. с фр. Ю.В. Марковой // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286—364.*
8. *Бурдьё П. Поле науки / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 473—472.*
9. *Бурдьё П. Клиническая социология поля науки / Пер. с фр. Ю.В. Марковой // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 49—95.*
10. *Glaserfeld E. von Radical constructivism: a way of knowing and learning. London: Falmer Press, 1996.*
11. *Glaserfeld E. von The construction of knowledge: contribution to conceptual semantics. Seaside, Ca.: Intersystems, 1987.*
12. *Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.*
13. *Stinchcombe A. Constructing social theories. Chicago, Il.: University of Chicago Press, 1987.*
14. *Качанов Ю.Л. Пространство-время, социальный мир и социальная реальность // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003, http://www.isras.ru/files/31036-Sages_Katchanov_02.pdf.*
15. *Качанов Ю.Л., Маркова Ю.В. Социологические различия и практические схемы социологов: опыт эмпирического изучения // 4М (Математические методы, методология и модели), 2003, №16, С. 70-85.*
16. *Качанов Ю.Л., Маркова Ю.В. Структурный изоморфизм социологического дискурса // Россия реформирующаяся / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2004, С. 171-198.*